

Алексей Миллер. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. 416 с.

Писать о предлагаемом вниманию читателя издании — занятие не совсем обычное. Книга, о которой пойдет речь, уже давно стала классической. Впервые она была опубликована в 2000 году в Санкт-Петербурге, три года спустя вышел ее английский перевод, и за время, прошедшее с тех пор, она успела оказать существенное влияние на понимание историками затронутых в ней сюжетов. И вот «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» профессора Центрально-Европейского университета Алексея Миллера, постоянного автора «Pro et Contra», и едва ли нуждающегося в представлении читателям журнала, снова вышел из печати. На этот раз — в киевском издательстве «Laurus». Являясь по сути переизданием оригинальной работы с незначительными исправлениями, монография соседствует под одной обложкой с тремя другими статьями Миллера (две из них написаны в соавторстве), также опубликованными ранее¹. Выход издания именно теперь не случаен. Он приурочен к 150-летию юбилею так называемого Валуевского циркуляра 1863 года — предписания министра внутренних дел Российской империи Петра Валуева цензурным комитетам о запрете на издание книг учебного и религиозного характера на украинском языке. Этот циркуляр является центральной проблемой для исследования Миллера и одним из ключевых событий XIX века для украинского исторического нарратива. С большой вероятностью можно предположить, что переиздание «Украинского вопроса» аккурат к юбилею имеет не просто символическое значение. Скорее, это попытка сделать текст очным участником украин-

ской интеллектуальной дискуссии, которая, как следовало ожидать, должна была возникнуть в связи с наступлением круглой даты.

Ниже я попытаюсь, насколько это возможно в рамках настоящей рецензии, обозначить контуры этой дискуссии. Но прежде — несколько слов о самой книге и о том, какие именно вопросы она приглашает переосмыслить. Алексей Миллер исследует процесс возникновения и становления украинского национализма в Российской империи во второй половине XIX века как вызова для представлений (далеко еще не устоявшихся) образованного общества о том, каким может и должно быть содержание «русскости» и где следует пролегать ее границам. Представления о национальных идентичностях в Юго-Западных губерниях еще только начинали складываться и были предметом широких общественных дебатов. Миллер называет это соперничество нескольких национальных проектов: украинского, общерусского, а также польского, каждый из которых предъявлял свои особые и исключительные права на одну и ту же территорию. Со временем в этот процесс вовлекались имперские структуры власти. Киевский генерал-губернатор, министерство народного просвещения, министерство внутренних дел, III отделение, цензурные комитеты, Синод, наконец, сам император участвовали в выработке политических решений по отношению к украинофилам, но все они руководствовались различными соображениями и преследовали разные цели. Вследствие этого имперская политика отличалась изменчивостью и непредсказуемостью; к тому же она была подвержена влиянию общественного мнения и, в свою оче-

редь, сама оказывала на него воздействие. Автор не отрицает жестокость репрессивных мер, но обращает внимание на то, что они были подчинены той же логике имперского национализма, которой руководствовались, к примеру, власти Франции в отношении крестьян Прованса или Британии в отношении жителей Шотландии. Причину же того, что, в отличие от них, общерусский проект в конечном итоге потерпел неудачу и остался всего лишь проектом, Миллер видит в неспособности российских властей предложить позитивную часть программы по национализации населения. Иными словами, империя запрещала, но не просвещала.

Среди предпринятых властями запретительных мер в борьбе с украинофилами две являются ключевыми. Кроме упомянутого выше Валуевского циркуляра (который сам министр Валуев рассматривал как временную меру), это также указ, подписанный Александром II в городе Бад Эмс в 1876 году, который еще сильнее сужал сферу употребления украинского языка, но все же оставлял авторам возможность публиковать свои художественные произведения при условии, что их рукописи пройдут предварительную цензуру. Каждая из этих мер была вызвана к жизни разными обстоятельствами и принималась в разных условиях; каждая проходила периоды существенного ослабления и далеко не всегда охотно исполнялась на разных уровнях имперской администрации — как в Киеве, так и в Санкт-Петербурге. Однако в украинском историческом нарративе они, как правило, предстают в виде этапных — и едва отличимых друг от друга — моментов единой телеологической схемы, согласно которой изначальным и безусловным стремлением имперских властей было доставить «возрождающейся» украинской нации как можно больше неприятностей.

Валуевский циркуляр выглядит более важным для национального украинского

мартиролога, чем Эмский указ, который хоть и отличается большей жесткостью предписаний, но тем не менее является вторичным. Особенно важно здесь то, что именно в нем использована знаменитая фраза «не было, нет и быть не может», к которой часто обращаются в публичном дискурсе так, как если бы это был окончательный вердикт, вынесенный империей украинскому языку^{*}.

Любопытную иллюстрацию того, как накладываются друг на друга образы двух запретительных мер, можно встретить у одного из наиболее интересных украинских писателей, а также одного из лидеров революционных событий 1917–1918 годов в Украине Владимира Винниченко. В своей трехтомной мемуарно-публицистической работе «Возрождение нации», написанной в Вене в 1919-м, он так характеризует положение, в котором пребывала украинская нация незадолго до революции: «Казалось, все было сделано чисто: закопано, засыпано, земля на могиле выглажена и песочком присыпана. „Никакого украинского языка не было, нет и быть не может“ — сказал в 80-х годах прошлого века один из выдающихся русских могильщиков Украины, притаптывая ногами землю на могиле. И, действительно, в то время не могло появиться в литературе ни одного слова на украинском языке. [...] Значит, будто полная смерть нации»².

Винниченко не называет имени этого могильщика. Едва ли можно предположить, что он запамätывал его имя из-за суматохи

* Примечательно, что эта фраза приобретает свой зловещий смысл путем отсечения от контекста, в котором она прочитывается совсем иначе: «самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши».

революции. Вероятно, он предполагал, что читатель без труда догадается, о ком идет речь, либо же просто хотел забыть Герострата. Что он действительно забыл, так это время и обстоятельства «произнесения» знаменитой фразы. Многим позже, в 1928 году, в своем «Открытом письме к Максиму Горькому», поводом к написанию которого послужила презрительная реплика Горького в отношении украинского языка, Винниченко провел прямую аналогию между Горьким и Валуевым. Там он датирует высказывание министра 1876 годом, то есть годом подписания Эмского указа. Еще раз и гораздо более эмоционально он обращается к теме циркуляра в своем эссе «Был, есть и будет» в 1948 году. Там с легкой руки Винниченко временная мера министра превращается то в «заповедь», то в «призыв», косвенная речь в тексте документа — в «восклицание», «крик» и даже в «зоологическое рычание», а в конце цитируемой фразы, конечно, уже добавляется восклицательный знак ³.

Легкость, с которой Петр Валуев поддается демонизации, и та простота, с которой принято объяснять причины появления его циркуляра, являются отличительными чертами многих украинских дискуссий об имперском опыте. Образы прошлого, предлагаемые публичными интеллектуалами, возможно удобны для усваивания обществом, однако они нередко приобретают гротескные черты. Так, профессор Римского университета «Ла Сапьенца» Оксана Пахлёвская говорит о Валуевском циркуляре как о «закономерном» следствии «глобальной имперской программы, открыто направленной на физическое уничтожение коренного этноса, на вытеснение его с собственной территории, на денационализацию его культуры и превращение свободного народа в коллективного послушного раба» ⁴.

Именно обманчивая ясность вопроса, возможно, послужила причиной того, что

в Украине не было хоть сколько-либо заметных и значимых дискуссий о Валуевском циркуляре. Обмен кивающими репликами в блогосфере словно подтвердил существование определенного консенсуса на этот счет. Из массмедиа, не оставшихся в стороне от юбилея, чаще всего и вполне ожидаемым образом о циркуляре вспоминали в киевской газете «День», традиционно много внимания уделяющей историческим сюжетам. Общая черта, объединяющая опубликованные в этой газете очерки, — неизменная уверенность авторов, что из истории можно и нужно извлекать уроки, поэтому главной задачей для каждого из них является попытка понять, какие именно. Для проректора и профессора Острожской академии Петра Кралюка юбилей Валуевского циркуляра стал удобным поводом поразмышлять о явлениях «национального предательства» и «национального коллаборационизма». Обращая внимание читателя на то, что циркуляр был принят с подачи украинца, киевского цензора Ореста Новицкого, он предлагает использовать знание об украинофобах прошлого в целях борьбы с украинофобами настоящего. Для этого достаточно сперва «хотя бы выпустить книгу под названием „Украинцы против Украины“, где рассказать о самых известных украинских украинофобах. А еще учредить премию „Украинский Иуда“ с призовым фондом в тридцать сребреников» ⁵.

Автор другой заметки, профессор Киевского национального университета имени Шевченко Николай Тимошик проводит прямую линию преемственности между циркуляром, «позорным в истории всей человеческой цивилизации», и социалингвистической ситуацией в Украине в настоящее время. «Последствия отработанного веками механизма уничтожения всего украинского», утверждает автор, ощущаются и по сей день. В их числе и скандальные политические

инициативы правящей партии, связанные с изменением статуса русского языка. Попытки внедрить в отдельных регионах государства второй официальный язык побуждают, по словам Тимошика, «пристальнее вникать и анализировать уроки истории»⁶.

Преимущественно информативный характер имеет статья редактора исторического отдела газеты Игоря Сюдюкова. Автор повествует об историческом фоне, который делает понятным и закономерным появление циркуляра, то есть о «вековом» — от Алексея Михайловича до генсека Юрия Андропова — курсе на уничтожение украинского языка, «кровно- и животворной системы бытия народа». Рассказывая предысторию появления циркуляра, он называет его «одной из наиболее brutальных и лицемерных (и потому — наиболее подлых) акций антиукраинского лингвоцида». Интересен другой момент: из трех иллюстраций, использованных в статье, первая представляет собой портрет Петра Валуева, вторая — портрет Александра II, а третья — изображение самого циркуляра, на поверку, впрочем, оказавшееся копией страницы из монографии Алексея Миллера⁷.

Совсем другое впечатление производит эссе львовского историка Марьяна Мудрого на портале «Zaxid.net». Автор рисует сложный и взвешенный образ имперской ситуации, которая привела к появлению Валуевского циркуляра, само название которого «вобрало в себя весь негатив украинско-российских взаимоотношений». Мудрый не предлагает читателю извлекать уроки из исторических событий. Более того, он признается, что не верит в поучительность истории. Чего, по его мнению, действительно не хватает украинской историографии, так это не поучительности, а «более широких исторических контекстов». Читая это эссе, нетрудно заметить влияние «Украинского вопроса» на авторскую интерпретацию описываемых им событий, да и сам он ссылается

на Алексея Миллера. Об этом влиянии говорят даже текстуальные заимствования в виде некоторых ёмких и образных стилистических фигур⁸.

Еще одно обсуждение Валуевского циркуляра состоялось в рамках программы «Ваша Свобода» на «Радио Свобода», в которой приняли участие историк, специалист по XIX веку Валентина Шандра и литературовед Владимир Панченко. Панченко обратил внимание на то, что Валуев имел основания сослаться на приведенное им мнение «большинства малороссиян», а также на то, что, несмотря на всю суровость цензурных запретов на украинскую литературу, существовали возможности ее обходить, поскольку «законы в Российской империи никогда не исполнялись хорошо». Профессиональный разговор, лишенный морализаторства и апеллений к эмоциям слушателя, все же не смог обойтись без аллюзий на современность, когда Владимир Панченко сравнил Михаила Юзефовича, инициатора Эмского указа, с нынешним одиозным министром образования и науки Украины Дмитрием Табачником, который известен скандальными выпадами в адрес носителей украинской национальной идентичности. Эти мимоходом сказанные слова (сравнение Юзефовича с Табачником) были подхвачены редакцией, став заглавием всего выпуска передачи⁹.

На государственном уровне юбилей Валуевского циркуляра отмечен не был, хотя возможность для этого имелась. Оппозиционные народные депутаты Верховной Рады Олесь Доний и Александр Бригинец выступили с инициативой законопроекта «О 150-летию Валуевского циркуляра как позорного акта, направленного на уничтожение украинского языка» (эта содержащаяся в названии формулировка должна была стать юридически легитимной дефиницией). Предусматривалось, что Валуевский циркуляр, «одно из ярких

проявлений шовинистической политики российского самодержавия, направленного на усиление национального, духовного и политического гнета украинского народа» получит свою «объективную» оценку в правовом поле. Коммеморация предусматривала проведение в вузах тематических конференций, лекций и круглых столов с параллельным запуском научно-популярных программ по радио и телевидению. Такие меры, по убеждению авторов законопроекта, стали бы «проявлением заботы государства о государственном языке, способствовали недопущению повторения притеснений украинского языка». На персональном сайте Бригинца циркуляр, «одно из самых больших юридических преступлений, совершенных Российской империей в отношении нашей [украинской] нации», был назван причиной проблем украинцев в отношении употребления украинского языка. На той же странице, на которой приводился этот текст, была размещена и ссылка на текст Валуевского циркуляра, в свою очередь ведущая к электронному варианту книги Миллера¹⁰. За месяц до дня юбилея, 19 июня, законопроект был одобрен Комитетом Верховной Рады по вопросам культуры и духовности, но сам парламент вскоре ушел на каникулы. Впоследствии законопроект с подачи парламентского большинства был исключен из повестки

дня очередной сессии Верховной Рады как «спорный»¹¹.

Как я пытался бегло и в самых общих чертах показать, осмысление места Валуевского циркуляра в украинском историческом нарративе все еще требует серьезной рефлексии. Поэтому выход книги Алексея Миллера в Киеве можно только приветствовать. Однако от переиздания можно было бы ожидать большего внимания к определенным деталям — там, где этого требует характер приводимых сведений. Например, информация автора об отсутствии современного переиздания книги Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» (Киев, 1912) уже устарела, так как это переиздание появилось еще в 2004 году¹².

Можно было бы пожалеть и еще об одном обстоятельстве: книга не была переведена на украинский. Позволю себе предположить, что каждое из утверждений автора звучало бы для многих украинских читателей более убедительно, если бы оно было высказано на языке, с которым так жестоко обходились протагонисты его повествования. Это, конечно, не вопрос «исторической справедливости» и не проблема коммуникации. Речь не о языке как средстве сообщения, но это как раз тот случай, когда сообщением стал бы сам язык. Напоминанием читателю, что прошлое осталось прошлым. ■

АЛЕКСАНДР ПОЛЯНИЧЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе* / Под ред. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 263–285; *Miller A., Ostapchuk O.* The Latin and Cyrillic Alphabets in Ukrainian National Discourse and in the Language Policy of Empires // *A Laboratory of Transnational History. Ukraine*

and Recent Ukrainian Historiography / G. Kasianov, Ph. Ther (eds). Budapest: CEU Press, 2008. P. 167–210; *Котенко А., Мафтынюк О., Миллер А.* Малоросс // *Понятия о России: к исторической семантике имперского периода* / Под. ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Т. 2. М.: НЛО, 2012. С. 392–443.

² *Винниченко В.* Відродження нації. Частина I. Київ – Відень, 1920. С. 35. Название главы, из кото-

рой взят этот пассаж, еще более ёмко: «Крест на могилах нации: „Не было, нет и быть не может“».

³ Винниченко В. Публіцистика / Упорядник і редактор В. Бурбела. Нью-Йорк — Київ, 2002. С. 191—198, 292—302.

⁴ Пахльовська О. Проблема спадщини в українській культурі та форми її імперської експропріації // Ave, Europa! Статті, доповіді, публіцистика (1989—2008). Київ: Пульсари. С. 73.

⁵ Кралюк П. Валуєвський циркуляр і «група 148» // День. № 135. 2013. 1 серпня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-i-grupa-148>).

⁶ Тимошик М. Валуєвський циркуляр: як, ким, чому? // День. № 123. 2013. 17 липня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-yak-kim-chomu>).

⁷ Сюндюков І. Ще раз про Валуєвський циркуляр // День. № 125. 2013 18 липня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/istoriya-i-ya/shche-raz-pro-valuievskiy-cirkulyar>).

⁸ Мудрий М. Циркуляр // Zaxid.net. 2013. 31 липня (<http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?tsirkulyar&objectId=1290518>).

⁹ 150-ліття Валуєвського циркуляру: Юзефович — це «Табачник 19-го століття»? (<http://www.radiosvoboda.org/content/article/25035485.html>).

¹⁰ Бригинець хоче засудити Валуєвський циркуляр на державному рівні (<http://bryhynets.com/?nma=news&fla=stat&nums=5299>).

¹¹ Ср. весь перечень исключенных законопроектов: <http://static.rada.gov.ua/zakon/new/WR/PD7-3d2.htm>; а также информацию о законопроекте: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?id=&pf3511=47399

¹² Щеголев С. История «украинского» сепаратизма. М.: Имперская традиция, 2004.

Что и почему нам следует знать о Центральной Азии *

Marlène Laruelle, Sébastien Peyrouse. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. Columbia Univ. Press, 2012. 271 p.

Alexander Cooley. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford Univ. Press, 2012. 252 p.

Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia / A Report by Shahrbano Tadjbakhsh. Peace Research Institute Oslo: PRIO Paper, 2012. 62 p., available at www.prio.no

Philip Shishkin. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. Yale Univ. Press, 2013. 316 p.

China's Central Asian Problem / A Report by the International Crisis Group // Asia Report. No 244. 2013. Febr. 27. 35 p., available at www.crisisgroup.org

Морозной ночью 12 декабря 1991 года я стоял на обледенелом асфальте аэропорта под Ашхабадом, столицей бывшей Туркменской Советской Социалистической Республики — в самом сердце Центральной Азии, наблюдая, как здесь собирались пять бывших руководителей коммунистических партий, а в будущем президентов республик Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Почетный караул, военный оркестр, танцующие девушки с замерзшими цветами в руках выполняли сложные построения, дрожа от холода всё то время, пока приземлялись самолеты высоких гостей, сходявших по трапам на летное поле в шубах и шапках.*

Это был важный момент мировой истории. Четыре дня назад президент России Борис

Ельцин и руководители Украины и Беларуси подписали договор о роспуске Советского Союза. Пять центральноазиатских республик неожиданно-негаданно стали независимыми, но при этом никто даже не подумал предварительно посоветоваться с их главами. Испытывая злость, досаду, страх, чувствуя себя брошенными «Россией-матушкой» и с ужасом думая о последствиях, они просидели всю ночь, обсуждая свое будущее.

Странно было видеть наследников великих завоевателей — Чингисхана, Тамерлана и Бабур — такими перепуганными. Они были привязаны к Москве тысячами нитей, от линий электропередач до автомобильных и железных дорог и телефонных сетей. Центральная Азия была превращена в обширную колонию, производящую сырье — хлопок, пшеницу, металлы, нефть и газ — для советской индустриальной машины в западной части России. Они смертельно боялись экономического и социального коллапса — ведь Ельцин попросту вышвырнул их из империи. В ту ночь заместитель министра иностранных дел Туркменистана сказал мне:

* Некоторые данные для этой обзорной статьи взяты из двух моих книг о Центральной Азии, см.: *Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism?* Zed, 1994; *Idem. Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia.* Yale Univ. Press, 2002; Penguin, 2003.

«Мы не празднуем, мы оплакиваем нашу независимость».

На следующее утро пять лидеров заявили, что все они присоединяются к вновь образованному и мало к чему обязывающему союзу, названному Содружеством Независимых Государств (СНГ). Ввиду сомнений относительно жизнеспособности государств Центральной Азии немалое число из 51 млн человек, проживавших в регионе и принадлежавших примерно к ста различным этническим группам, стали собираться в Россию. Еще никогда рождение новых государств не сопровождалось таким обилием сомнений, страхов и такой неуверенностью, ощущаемой самими освобождаемыми людьми.

Об этом важно помнить, глядя на Центральную Азию сегодня, двадцать два года спустя, и находясь в ожидании другого исторического события: вывода войск США и НАТО из Афганистана в 2014 году. Страны Центральной Азии выжили, несмотря на репрессии и отсутствие реформ во всех пяти государствах, гражданскую войну в Таджикистане и протесты, резню и экономический упадок в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Но относительно преуспели только энергопроизводящие государства — Казахстан и Туркменистан. Согласно *World Factbook* ЦРУ, ВВП на душу населения в Казахстане в настоящее время составляет 13 900 дол., а в Туркменистане — 8 500 дол., и их совместная доля достигает двух третей от суммарного ВВП стран Центральной Азии. В противоположность этому в Таджикистане и Кыргызстане ВВП на душу населения составляет чуть более 2 000 долларов.

После 11 сентября 2001-го крупные державы — Россия, Китай и США — вновь стали проявлять интерес к этому региону по той простой причине, что он граничит с Афганистаном. И руководители стран Центральной Азии играют на противоречиях между великими державами, ведя хитроумную и беззастенчивую игру

с целью извлечь максимальную выгоду в виде кредитов, инвестиций, оружия и платы за аренду военных баз на своей территории.

Как и в 1991 году, сейчас для Центральной Азии наступил переломный момент, и ее серьезно беспокоит, что же будет дальше. Одержат ли талибы вновь победу в Афганистане, после чего в страны Центральной Азии будет открыт путь исламистским группировкам, тесно связанным с «Аль-Каидой» и наращивающим свои силы на базах в Пакистане? Прокатятся ли по региону популистские революции, похожие на «арабскую весну»? В Кыргызстане это случилось уже дважды — в марте 2005-го и апреле 2010 года, и результатом стало свержение двух президентов.

Станут ли эти слабые государства, нуждающиеся в экономических ресурсах, заложниками Китая или России? Поможет ли им преодолеть нестабильность самый крупный региональный союз — направляемая Китаем Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой являются все эти страны, или же этот альянс по-прежнему будет уклоняться от серьезных реформ?

Китай и Центральная Азия

Ни одна из рассматриваемых здесь работ не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы, однако наиболее полный анализ представлен в книге Александра Кули «Большие игры, местные правила: Новое противостояние великих держав в Центральной Азии». Все авторы едины в том, что в Центральной Азии наблюдается беспрецедентный рост влияния Китая. Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз, ученые из Университета Джорджа Вашингтона (округ Колумбия), в работе «Китайский вопрос в Центральной Азии: Государственное устройство, социальные изменения и китайский фактор» показывают, что Китай уже является доминирующей экономической силой в регионе.

Начиная с 1991-го Китай решает жизненно важную стратегическую задачу — добиться, чтобы уйгуры (самая крупная в Китае мусульманская этническая группа), проживающие в западной провинции Синьцзян, даже не помышляли о своей независимости, а переселившиеся в Центральную Азию сотни тысяч уйгуров не подстрекали их к этому. В 1950-е годы множество уйгуров бежало от маоистского режима, и убежище они нашли в советской Центральной Азии, где к ним относятся довольно хорошо.

После 1991-го Китай оказал огромное давление на три центральноазиатские страны, граничащие с провинцией Синьцзян, — Казахстан, Таджикистан и Киргизию, вынудив их жестко ограничить политическую деятельность проживающих там уйгуров. Взамен Китай подсластил пилюлю, урегулировав пограничные споры, на протяжении десятилетий отравлявших китайско-советские отношения в Центральной Азии. За десять лет была проведена демаркация границ между Китаем и государствами Центральной Азии, и проблема была решена, что позволило Китаю тотчас же начать стремительное экономическое проникновение в регион.

Тем не менее уйгурский национализм и идеология исламского радикализма в Синьцзяне продолжают укрепляться, в то время как Китай наводняет эту провинцию китайцами-хань и проводит жесткие репрессии против мусульман. Поскольку уйгуров Центральной Азии заставили по большей части замолчать, некоторые из них, пройдя соответствующее обучение, воюют рука об руку с талибами в Пакистане и Афганистане.

За последние десять лет Китай вложил в Центральную Азию значительные средства. Ларюэль и Пейруз пишут в связи с этим: «Менее чем за десять лет Китай сделался одним из трех крупнейших торговых партнеров каждого из государств Центральной Азии. Он контролирует четверть добываемой

в Казахстане нефти, построил трубопровод, идущий от Каспийского моря в Синьцзян, стал для Туркменистана предпочтительным импортером его газа, установил квазиэкономический протекторат над Кыргызстаном, который выживает в основном за счет реэкспорта китайских товаров, а Таджикистан играет для него роль “ворот” в Афганистан, к которым он имеет привилегированный доступ».

Мне кажется, что выводы этих двух авторов чрезвычайно важны в рамках любого серьезного обсуждения будущей геополитической роли Китая в Азии. Цифры внешнеторгового оборота этих стран указывают на заметный рост китайских инвестиций. Если в 2002-м объем торговли Китая со странами Центральной Азии не превышал 1 млрд дол., то в 2006-м он достиг 10 млрд, а к 2010 году составил уже 28 млрд долларов. Для сравнения: объем торговли России со странами Центральной Азии в 2010-м составил всего 15 млрд долларов. Очевидно, что Китай ослабляет экономические узы, которые традиционно связывали Центральную Азию с Россией.

Кроме того, Пекин нарушил монополию России на вывоз казахстанской нефти и туркменского природного газа. Сейчас два проложенных Китаем трубопровода (один берет начало в Атырау, на казахстанском побережье Каспийского моря, другой в Туркменистане) перекачивают соответственно нефть и газ через всю Центральную Азию в Синьцзян, где строятся новые трубопроводы, доставляющие углеводороды в промышленные районы Китая вплоть до побережья Тихого океана. Газовый трубопровод вскоре уже сможет поглощать дополнительные объемы газа, добытого в Узбекистане, Казахстане и в перспективе — в Афганистане. Кули в одном из интервью упомянул «все более громкий всасывающий звук, доносящийся с Востока». Эти поставки энергоносителей

из Центральной Азии обеспечивают Китаю высочайший уровень безопасности, поскольку снижают его зависимость от импорта энергоносителей, перевозимых морским путем, который США могут попытаться ограничить.

Несмотря на всё это, в Центральной Азии, как и повсюду в третьем мире, к Китаю относятся довольно враждебно, поскольку он жестоко эксплуатирует регион, мало что предлагая взамен. Так, китайские компании привозят своих рабочих и свое оборудование, не принимают на работу местных жителей и не обучают их нужным специальностям, отказываются закупать местные товары и продукты. Часто приходится слышать и конспирологические рассказы о том, что Китай скупает в Центральной Азии сельскохозяйственные земли или заселяет их миллионами своих крестьян. Народы Центральной Азии опасаются китайского влияния, даже когда их лидеры раскрывают свои объятия Китаю, который не задает вопросов об отсутствии демократии и соблюдения прав человека или о нежелании проводить экономические реформы (в этом плане Запад считается слишком навязчивым).

В недавнем докладе Международной кризисной группы «Центральноазиатская проблема Китая» читаем: «Китайская практика ведения бизнеса вызывает негативные чувства в регионе, где настороженность по отношению к Китаю... и так велика... Китай видит определенное родство между авторитарными режимами в Центральной Азии и у себя дома и, по крайней мере на публике, защищает их, используя одну и ту же риторику». В этом докладе говорится, что нынешняя торговая и инвестиционная практика Китая в Центральной Азии не может длиться вечно, если Китай не будет демонстрировать большую заботу об улучшении жизни местного населения. Однако Китай, кажется, теперь начинает воспроизводить ту же политику в Афганистане, с которым у него общая пятиде-

сятимильная граница в Ваханском коридоре. В течение последнего десятилетия он отказывался предоставлять афганцам сколько-нибудь серьезную помощь, будь то в сфере обеспечения безопасности или развития инфраструктуры. За последние двенадцать лет он оказал Афганистану экономическую помощь всего на сумму 2 млрд дол. — меньше, чем предоставила гораздо менее богатая Индия в рамках многих гораздо более впечатляющих проектов.

Китай заключает с Афганистаном контракты на добычу полезных ископаемых по мере того, как они становятся доступными. Он вложил 3,5 млрд дол. в медные разработки Айнак неподалеку от Кабула и сделал предложения по нескольким нефтяным месторождениям на севере Афганистана. Нет сомнений в том, что открытие доступа на международные рынки минеральным богатствам Афганистана позволит отчаянно нуждающемуся в средствах Кабулу получать неплохие доходы и в долгосрочной перспективе поможет стабилизировать ситуацию в Афганистане, однако сначала нужно дождаться окончания войны, и только тогда можно будет начать разработку полезных ископаемых. Китай проявляет терпение и, видимо, готов ждать окончания гражданской войны, которая может продолжиться и после 2014 года. Но пока нет никаких гарантий того, что он начнет предоставлять афганцам работу, налаживать здесь профессиональное обучение и, так сказать, вкладывать средства в афганский народ и его экономическое будущее.

Пекин вовлек страны Центральной Азии в Шанхайскую организацию сотрудничества, которую и Китай, и эти страны считают наиболее адекватной многонациональной организацией. Созданная в 1996-м как «Шанхайская пятерка», в настоящее время ШОС объединяет четыре государства Центральной Азии, Россию и Китай; Туркменистан придерживается нейтралитетной

тета и не входит в ШОС, тогда как южные соседи, такие как Иран, Пакистан и Индия, напротив, стремятся стать ее полноправными членами. Многим западным аналитикам ШОС представляется организацией, существующей только «на бумаге», которая не в состоянии предпринять совместные военные действия против террористов или действительно объединить центральноазиатских лидеров, печально известных своим нежеланием сотрудничать друг с другом.

И всё же своих главных целей Китай достиг. ШОС под его влиянием успешно «похоронила» уйгурскую проблему под лозунгом борьбы с тремя силами зла — «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (в трактовке Китая этот лозунг больше применим к уйгурам, нежели к «Аль-Каиде»). Китай обладает огромным влиянием на режимы в Центральной Азии, которые предоставляют ему транспортные пути и торговый доступ в Россию, Турцию и на Кавказ.

Возьмет ли на себя Пекин в ближайшие годы ответственность за Центральную Азию и Афганистан, использует ли он свои дипломатические возможности для мирного урегулирования ситуации в регионе, поможет ли создать инфраструктуру и поддержит ли проведение экономических реформ в беднейших странах Центральной Азии, в которых он пользуется наибольшим влиянием? Или же Китай останется алчной страной, выкачивающей минеральные ресурсы, избегающей всякой политической ответственности в Центральной Азии и охотно предоставляющей другим разбираться с хаосом, царящим в Афганистане?

До сих пор китайцы отказывались принимать участие в миротворческих инициативах по Афганистану или в переговорах с талибами, а это именно то, чему они могли бы содействовать. Китай пользуется огромным влиянием в Пакистане, где находится руководство талибов. При этом он не позволил

ШОС согласиться на участие в региональном урегулировании после 2014 года, когда американские войска покинут Афганистан. Только Китай имеет достаточную экономическую мощь и политический авторитет для установления мира в Афганистане, а также ресурсы, чтобы заполнить грядущий вакуум власти, но вопрос в том, захочет ли он взять на себя такую ответственность.

Россия и США в Центральной Азии

США проводили и проводят в Центральной Азии не менее близорукую политику, чем Китай. Александр Кули из Колумбийского университета и Шарбану Таджбахш (иранка по происхождению) из Института политических исследований в Париже известны как ведущие специалисты по Центральной Азии. Они и на этот раз не разочаровали. Книга Кули представляет собой очень доходчивый и хорошо написанный обзор американской политики в Центральной Азии за последние десять лет. И он, и Таджбахш, которая пишет для Норвежского научно-исследовательского центра, едины в том, что у США отсутствует стратегический подход к Центральной Азии.

Вместо этого, начиная с 2001 года три американские администрации, включая нынешнюю, уделяли первостепенное внимание вопросам военного сотрудничества с государствами Центральной Азии в целях содействия Соединенным Штатам и НАТО в решении их задач в Афганистане. А это автоматически приводит к тому, что центральноазиатские лидеры игнорируют и отклоняют требования США относительно политической либерализации, уважения прав человека и проведения экономических реформ. Центральная Азия является еще одним примером того, насколько милитаризованной стала после 2001-го американская внешняя политика.

В своей книге «Большие игры, местные правила» Кули идет еще дальше, показы-

вая, как Центральное командование США (*CENTCOM*) часто сводило на нет усилия государственного департамента и других ведомств американского правительства тем, что продолжало передавать деньги и покровительствовать руководителям стран Центральной Азии и их вездесущим спецслужбам, хотя официальная линия США состояла в том, чтобы сократить такого рода помощь. Особенно зримо это проявилось в случае с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, который приказал войскам открыть огонь по демонстрантам в Андижане в Ферганской долине в 2005-м, когда погибло не менее восьмисот человек. Командование *CENTCOM* продолжало финансировать узбекских военных несмотря на то, что отношения государственного департамента США с Каримовым стали намного прохладнее. «Обязательства центральноазиатских правительств по защите политических прав и прав человека... порваны в клочья во имя борьбы с терроризмом», — пишет Кули.

Главная задача США и НАТО состояла в том, чтобы сохранить базы в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, поэтому они мирились с коррупцией и даже способствовали ее широкому распространению среди правящих элит. Согласно Кули, после 2008 года потребовались существенные денежные выплаты, чтобы получить согласие элит Центральной Азии на создание Северной распределительной сети (СРС) — сети автомобильных и железных дорог, проходящей через сухопутные евразийские страны и обеспечивающей снабжение коалиции сил Запада в Афганистане. СРС явилась альтернативой пакистанскому маршруту. Кули пишет: «Такое впечатление, что необходимым условием поддержания операций США в Афганистане является толерантное отношение к коррупции и даже активное содействие ей, а также к злоупотреблению властью в Центральной Азии». Теперь, когда

США должны начать вывод войск и техники из Афганистана, усиливается их зависимость от СРС, благодаря чему государства Центральной Азии, несомненно, извлекут большие дивиденды.

С 2011-го США пытаются разработать для региона Центральной Азии более широкую концепцию, которую они называют «Стратегией Шелкового пути». Эта стратегия предусматривает реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов, способных объединить регион. Среди этих проектов — долгожданный газопровод из Туркменистана в Пакистан через южный Афганистан, национальная железнодорожная сеть в Афганистане, передача электроэнергии из Кыргызстана в Афганистан и Пакистан. Однако приступить к осуществлению такой стратегии вряд ли удастся в ближайшее время. Ведь это зависит от заключения мира с талибами и от всеобъемлющего регионального урегулирования отношений со всеми прямыми соседями Афганистана — Китаем, Ираном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, а также с крупными странами вокруг Афганистана — Индией, Россией и Саудовской Аравией. А всё это выглядит маловероятным.

Россия проводит противоречивую политику в отношении Центральной Азии и Афганистана. Она помогла США создать военные базы в Центральной Азии, но затем пыталась давить на эти государства с целью расторгнуть соглашения о базах. Россия хочет, чтобы США ушли из Афганистана и твердо настаивает на том, чтобы силы НАТО не оставались здесь после 2014 года. Но в то же время она, выражая тревогу по поводу афганского наркотрафика и усиления влияния талибов, в мягкой форме просит США не уходить полностью из региона. Россия подвергает суровой критике государства Центральной Азии, в частности, Узбекистан,

за слишком тесное сближение с США, но в то же время поощряет поддержку ими сети СРС и других объектов, необходимых США. Двадцать лет назад в Центральной Азии не могли и подумать о посягательстве на интересы России, но сегодня страны Центральной Азии регулярно пренебрегают ее мнением и эксплуатируют ее, отдавая предпочтение США и Китаю.

Царство диктаторов

В большинстве государств Центральной Азии (исключение составляет сравнительно небольшой Кыргызстан) сохраняются диктаторские режимы. За двадцать лет своей независимости они, в отличие от некоторых других бывших советских республик, так и не приступили к политическим и экономическим реформам. Из-за распрей и жесткой конкуренции между их лидерами межгосударственное сотрудничество практически находится на нулевой отметке, что породило крупномасштабные проблемы. Морозной декабрьской ночью 1991 года руководители этих стран договорились создать экономический союз, чтобы выжить, но ничего из этого так и не получилось. Сотрудничество отсутствует даже по таким исключительно важным вопросам, как распределение водных ресурсов, производство и распределение электроэнергии, борьба с наркотрафиком и террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

В докладе «Центральная Азия и Афганистан» Шарбану Таджбахш показывает, что у каждого из государств Центральной Азии имеется свой, отличный от других, взгляд на будущее Афганистана. Однако ни одно из них не готово смягчить свои притязания на ресурсы во благо всего региона. Автор утверждает, что соперничество лидеров центральноазиатских государств подогревается обострившимся геополитическим соперничеством между Китаем, Россией и США,

но это не совсем так. Внутрорегиональная политическая конкуренция на протяжении двух последних десятилетий нарастала по мере того, как каждый из здешних режимов становился все более и более коррумпированным, жадным до власти и узколобым, хороня всякую надежду на перемены. В докладе Международной кризисной группы говорится: «С каждым годом некоторые обширные области Центральной Азии выглядят все менее безопасными и стабильными.

Коррупция здесь становится повальной, криминализация политического истеблишмента усугубляется, сфера социальных услуг резко сужается, а силы безопасности слабеют».

Теперь некоторые лидеры хотят, чтобы их на занимаемых ими постах сменили родственники.

В Узбекистане Ислам Каримов и в Казахстане Нурсултан Назарбаев находятся у власти по двадцать три года. Согласно данным правозащитных организаций, Каримов многие годы держит в тюрьме примерно десять тысяч политзаключенных, хорошо известно о применении пыток, например, людей сажают в воду, доводя ее постепенно до кипения. Первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006-м, в последние годы своей жизни был одержим манией величия, а на его личных банковских счетах, по оценкам, хранилось два миллиарда долларов, вырученных за продажу туркменского газа. По некоторым данным, правящая элита Таджикистана обязана своим пребыванием у власти среди прочего своему участию в наркотрафике из Афганистана.

Наиболее вероятный и опасный политический кризис может разразиться в результате внутренней борьбы за посты лидеров двух самых могущественных государств Центральной Азии — Узбекистана и Казахстана. Оба президента в возрасте — Каримову семьдесят пять лет, Назарбаеву семьдесят три — и к тому же слабы здоровьем,

и совершенно непонятно, кто придет им на смену. Как о возможной преемнице говорят о влиятельной, властолюбивой и в то же время гламурной дочери Каримова Гюльнаре, которой сорок один год, хотя многие влиятельные узбеки выступают против нее. В Узбекистане ширится недовольство из-за роста цен на продовольствие, безработицы, ухудшения ситуации в сфере образовательных и медицинских услуг и широко распространенной коррупции.

В Казахстане Динаре Назарбаевой-Кулибаевой, одной из трех дочерей президента, сорок пять лет. Она замужем за Тимуром Кулибаевым, бизнесменом-миллиардером, нынешним главой *KazEnergy*, который является фаворитом президента и может стать его преемником. Любая стычка между конкурирующими группировками за наследование власти может обернуться кровью, так как по одну сторону баррикад идет мобилизация органов государственной безопасности, а по другую — сил кланов.

В книге Филиппа Шишкина «Беспокойная долина: революция, убийства и интриги в сердце Центральной Азии» регион предстает во всей своей сложности и неоднородности, как переплетение страшного и причудливого, порочного и возвышенного. Он пишет в первую очередь об Узбекистане и Кыргызстане, находящихся на разных концах политического спектра. Небольшой по центральноазиатским меркам Кыргызстан с населением в 5,5 млн человек, обитающих в одной из самых высоких горных систем мира, не имеет иных средств к существованию, кроме отгонного овцеводства и доходов от единственного золотого прииска. Эти люди упорно пытались построить демократическое государство и ради этого свергли двух своих президентов. Результатом стали, как и следовало ожидать, еще большие нищета и хаос.

Шишкин, американский журналист русско-го происхождения, описывает эти события

в далеком уголке мира захватывающей дух поэтической прозой. К сожалению, он не склонен углубляться в историю, а это очень важно для понимания данного региона, и мало внимания уделяет исламу, который, несмотря на семьдесят лет советского атеизма, играет ключевую роль для народов Центральной Азии. Вместо этого он упорно выискивает и рассказывает истории как о самых коррумпированных и влиятельных персонажах, так и о чистосердечных и достойных восхищения людях, населяющих эти горы. Особенно впечатляет глава, в которой описывается массовое убийство людей в узбекском городе Андижане в 2005 году — автор был одним из немногих западных журналистов, находившихся в Узбекистане в то время, правда, ему не разрешили приехать в город, пока оттуда не были вывезены груды трупов.

Шарбану Таджбахш пишет, что в странах Центральной Азии «понимают, что ситуация в Афганистане остается очень нестабильной и что возможно возобновление конфликта, который для этого региона будет означать приток беженцев, появление полевых командиров и незаконный оборот наркотиков».

Число сторонников Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Союза исламского джихада увеличилось, а их идеология за годы изгнания стала еще более радикальной. В 2000-м ИДУ представляло серьезную угрозу для Кыргызстана и Таджикистана. Впоследствии эти движения присоединились к «Аль-Каиде» и Талибану, а их лидеры в настоящее время (после двенадцатилетнего пребывания в племенных районах Пакистана) пытаются вернуться в Центральную Азию через Афганистан. Только в этом году спецназ США и НАТО провел на севере Афганистана двенадцать операций против ячеек ИДУ, причем четыре из них находились в провинции Кундуз, граничащей с Таджикистаном. По меньшей мере два руководителя ячеек были захвачены.

В настоящее время контингент ИДУ — это представители различных тюркских национальностей, начиная от туркмен и уйгуров и до этнических турок и даже турецких мигрантов, родившихся в Германии. ИДУ принимает в свои ряды и представителей нетюркских групп, таких как чеченцы, таджики, пакистанцы и кашмирцы. Более того, ИДУ имеет тесные связи с мощной пакистанской группировкой «Лашкар-э-Тайба».

Борьба государств Центральной Азии с экстремистскими группами была бы более успешной, если бы у них был общий подход к миротворческим усилиям в Афганистане, но его нет. Таджбахш пишет: «Отсутствие единого подхода к Афганистану отражает отсутствие внутрирегионального сотрудничества и совместной стратегии безопасности в рамках самого [региона]». У каждой из стран Центральной Азии своя стратегия.

По-видимому, этому региону предстоят бурные перемены, как из-за давления снизу, требующего реформ и демократизации, так и под влиянием политики, проводимой крупными региональными державами. США, может быть, не полностью, но все же покида-

ют этот регион, а Россию ожидает глубокий экономический и политический кризис, который ее руководители не хотят признавать, поэтому позиции Китая в Центральной Азии и Афганистане еще больше укрепятся. Но что реально сможет сделать Китай при всей его мощи в этом регионе (и сможет ли вообще), пока остается тайной.

Сэр Хэлфорд Маккиндер, основоположник геополитики, еще в XIX веке считал Центральную Азию «регионом, вокруг которого вращается мировая политика», и «хартлендом» («срединной землей»), поскольку, по его словам, «это наиболее мощная естественная крепость в мире». Он полагал, что тот, кто контролирует Центральную Азию, получает огромную власть. Однако до сих пор ни одна страна не контролирует этот регион, и после 2014 года борьба за влияние на него будет вестись по разным направлениям. Но так или иначе, если США и другие западные державы будут по-прежнему его игнорировать и пренебрегать тем, что здесь происходит, они подвергнут себя серьезной опасности. ■

АХМЕД РАШИД

Alexander Etkind. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford Univ. Press, 2013. 328 P. (Cultural Memory in the Present)

Название только готовящейся к изданию в России книги Александра Эткина — «*Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*» — с трудом поддается переводу на русский. Проблема даже не в «*Undead*», с этим можно было бы как-нибудь справиться, а скорее в первой части. «*Mourning*» здесь отсылает не к абстрактному «оплакиванию», но к конкретному тексту, — а именно, к работе Зигмунда Фрейда 1917 года. «Печаль и меланхолия», которая в английском переводе называется «*Mourning and Melancholia*».

Это принципиально, поскольку Эткин соглашается с Фрейдом в том, что «по окончании... работы печали “Я” становится опять свободным». Более того, в недавнем интервью изданию «Гёфтер» автор поясняет, что «горе продуктивно в настоящем потому, что оно воспроизводит прошлое... Человек воспроизводит в своем сознании или где-то еще голос, лицо умершего, обстоятельства его жизни и смерти, причины самой потери. Эти обстоятельства потери приобретают значение на фоне всей жизни покойного в целом и отношений с ним. Но для человека важно обмениваться образами памяти с другими людьми, которые тоже помнят этого человека, — это механизм поминок, похорон, разделения горя с сообществом. Так внутренняя, психологическая динамика обычно оказывается недостаточной, и репрезентация потери переходит в коммуникацию. Репрезентация связана с коммуникацией, и наоборот, как и во многих других ситуациях»¹. Такое представление о роли коммуникации позволяет Эткину перейти от личной работы горя к закреплению индивидуальных чувств в коллективной памяти, — впрочем, последнюю метафору сам автор не жалуется.

Собственно, книга посвящена тому, что необходимая работа горя в период, последовавший за сталинским террором, оказалась репрессирована и не могла поэтому быть проделана в надлежащем объеме и надлежащим образом. Она оказалась исковеркана (кажется, это более удачный вариант перевода *warped*, чем упоминаемое в прессе в качестве рабочего варианта «кривое горе»), — и *исковерканность* эта определяет наше настоящее в гораздо большей степени, чем мы привыкли об этом думать. Констатация эта покажется одним — крайне спорной, а другим — напротив, совершенно тривиальной, однако смысл проделанной исследователем работы заключается в обнажении механизмов произошедшего. Эткин подробно разбирает машинерию как репрессирования работы горя, так и результатов того, что она не была проделана необходимым образом.

Он начинает свою книгу со вполне поразительного сюжета, посвященного пятисот-рублевой банкноте, выпущенной Банком России в 1995 году: на ней изображен, как известно, Соловецкий монастырь. Однако есть одна важная деталь: здания монастыря на банкноте лишены крестов, что позволяет идентифицировать изображение как относящееся ко второй половине двадцатых годов — то есть к тому времени, когда на этом месте располагался СЛОН, Соловецкий Лагерь Особого Назначения². Эткин пишет о том, что миллионы граждан России, знали они об этом или нет, годами носили в своих кошельках изображение концлагеря. Тот факт, что для многих оно было просто изображением монастыря, иллюстрирует, по его мнению, многослойность и противоречивость феномена памяти о сталинском терроре в совре-

менной России. Роль этой банкноты, — говорит Эткинд, — похожа на ту, что выполняют привидения, напоминая живым о тайнах, скрытых в прошлом.

Далее, на протяжении первых двух глав, Эткинд, используя понятийный и теоретический аппарат психоанализа, развивает теорию, которая, как он полагает, позволяет получить новое знание о прошлом и настоящем состояниях российского общества. Ключевым в его рассуждениях оказывается различие воспоминания/памяти, с одной стороны, и переживания вытесненного содержания — с другой. Воспоминание/память имплицитно предполагают, что прошлое окончено, завершено, — в то время как постоянное навязчивое возвращение к переживанию вытесненного делает прошлое фактом настоящего. Автор оказывается таким образом в состоянии определенного конфликта с дискурсом *trauma studies*, поскольку полагается «на концепцию работы горя в большей степени, чем на другие концепции, опробованные в этом поле — в особенности на концепцию травмы». По мнению Эткинда, травма — это реакция на состояние, испытанное самим субъектом, а горе — реакция на испытанное Другим. Такое концептуальное различие не совсем очевидно — в частности, если мы согласимся с ним, то придется, кажется, пересмотреть свое отношение к довольно хорошо разработанному полю представлений о механизмах наследования травмы³.

Еще одним важным концептом книги оказывается «жуткое сверхъестественное» (*uncanny*) — та форма, которую принимает непроработанная потеря, возвращаясь в психику «с черного хода» и отравляя таким образом настоящее⁴. Если мертвые, — пишет Эткинд, — не оплаканы (*mourned*) надлежащим образом, они превращаются в не-мертвых (*undead*) и вредят живым. «Сверхъестественное жуткое» воспринимает-

ся при этом как смутно знакомое, поскольку речь идет о вытесненном содержании собственной психики субъекта. Эткинд, в частности, со свойственной ему наблюдательностью замечает, что те значения, в которых термин «репрессия» употребляется Фрейдом и Хрущевым, на самом деле, парадоксальным образом близки, — и пишет о том, что именно в качестве *uncanny* (по Фрейду) друзья и родственники воспринимали возвращавшихся домой после смерти Сталина узников ГУЛАГа. Этой теме целиком посвящена третья глава книги. В частности, автор цитирует Ахматову, сказавшую в 1956 году (согласно воспоминаниям Лидии Чуковской), что «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили»⁵. Однако далее он справедливо замечает, что «эти две России также знали о существовании третьей, — погибшей в процессе». Согласно Эткинду, эти *три* России произвели демаркацию зоны неразличения между «голой жизнью» (по Агамбену) и законом; между репрессиями и реабилитацией; наконец, между работой горя и забвением — и тем самым определили культурную динамику позднесоветского периода, — а отчасти, и постсоветскую.

Четвертая глава книги посвящена тому, как лагерный опыт на долгие годы определил взгляды и мироощущение прошедших через него историков — в частности, Дмитрия Лихачева. Эткинд показывает, что их взгляды на многие события русской истории могут быть прослежены к индивидуальному опыту жизни в сталинском государстве. Следующую, пятую главу автор начинает с сопоставления известных слов Мандельштама об акмеизме как «тоске по мировой культуре» с тем, что Ханна Арендт пишет о тепле как замене света в работе «Люди в темные времена»: «Мы видели, какая сильная потребность в такие времена есть у людей придвинуться друг к другу поближе, чтобы отыскать в

теплоте близости замену того света и освещенности, которые может пролить только публичная сфера»⁶. Продолжается глава подробным разбором творческого наследия художника Бориса Свешникова. Далее, в шестой главе, Эткинд переходит к постсталинскому периоду, в течение которого, как он утверждает, ГУЛАГ становится своего рода святыней — пусть и сконструированной некоторым неочевидным и сложным образом, — но в итоге у оттепельного поколения возникает амбивалентное отношение к лагерям. Они оказываются объектами своеобразного паломничества (в очень широком смысле слова). Эткинд полагает, что, например, Андрей Синявский в каком-то смысле стремился к тому, чтобы оказаться в лагере, — и ссылается в этой связи на Марию Розанову и Игоря Голумштока, утверждавших впоследствии, что Синявский ждал ареста. Он также приводит в качестве подтверждения своей гипотезы тот факт, что в лагере Синявский пережил несомненный творческий подъем. Здесь автор строит предположения на не совсем очевидных основаниях, — однако это, пожалуй, привычная для Эткинда ситуация: многие его гипотезы, являющиеся сомнительными, с точки зрения академических историков, оказываются убедительными за счет того, что находят себе подтверждение в более широких (культурных) контекстах.

Следующие две главы посвящены кинематографу: автор начинает с «Гамлета» Григория Козинцева (1964), демонстрируя, в частности, что режиссер в этой ленте видит Гамлета как своего соотечественника, пережившего террор и оказавшегося иностранцем в собственной стране. Эткинд понимает финальную сцену фильма как «мощную, величественную сцену оплакивания». По его мнению, Гамлет здесь посмертно завершает работу горя, а Козинцев превращает шекспировскую пьесу о мести в советскую мечту о беспрепятственном горевании. В этой же

части книги разобраны такие разные кинематографические тексты, как «Король Лир» того же Козинцева (1970), «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова (1966), «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова (1979) и многие другие.

Девятая глава представляет собой отступление, в котором автор предлагает разделить манифестации памяти на *hardware* (монументы, музеи, etc.) и *software* — собственно тексты купно с практиками их социокультурного бытования. Здесь Эткинд следует тенденции, общей для многих областей знания: в последние десять-пятнадцать лет эта метафора возникает в очень разных проблемных полях — в диапазоне, скажем, от урбанистики/архитектуры до биологии. Насколько она окажется продуктивной применительно к исследованиям памяти, не очень понятно, — но отчего бы не попробовать?

Наконец, завершают книгу две главы, посвященные постсоветскому состоянию. Эткинд — как и другие исследователи, например, Марк Липовецкий, — рассматривает навязчивые для постсоветской культуры мотивы, связанные с чудовищами, вампирами, призраками и т. д. в качестве манифестации возвращающихся призраков советского прошлого. Навязчивость эта связана с незавершенной работой горя, — то есть с тем, что жертвы массового террора не были оплаканы, как мы уже говорили, надлежащим образом и в надлежащем объеме. Объектами рассмотрения в этой части книги оказываются самые разные артефакты постсоветской культуры — от фильмов Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984) и Карена Шахназарова «Город Зеро» (1988) до романов Виктора Пелевина и Владимира Шарова.

В целом «Исcoverканное горе» обладает всеми достоинствами и недостатками, которые мы привыкли видеть в книгах Александра Эткинда. Широчайшая эрудиция автора, легко оперирующего в огромном

поле текстов, визуальных артефактов и реальных сочетается с некоторой селективностью в отношении источников. Небывалая для русской гуманитаристики увлекательность изложения⁷ порой не позволяет с первого раза увидеть логические разрывы. Наконец, в части перехода от советской культуры к постсоветской книга выглядит несколько торопливой, а аргументация — менее детальной, чем хотелось бы.

Вместе с тем сказанное в предыдущем абзаце не может отменить того факта, что Александр Эткинд написал, как представляется, чрезвычайно важную книгу — уже вторую после его же «Внутренней колонизации»⁸. В этом исследовании памяти и механизмов работы горя впервые предлагается рамка — если не теоретическая в строгом смысле слова, то уж точно концептуальная, — позволяющая по-новому увидеть целый комплекс явлений. Во-первых, оптика Эткинда дает нам возможность (в определенных аспектах) мыслить в качестве целого советскую официальную, советскую неофициальную и постсовет-

скую культуры. Во-вторых, его книга — не в последнюю очередь за счет отталкивания от концепта травмы — придает новое измерение дискуссиям об исторической политике: в текущей политической ситуации такие дискуссии выглядят глубоко маргинальными, но завтра или послезавтра их так или иначе придется возобновить. Наконец, в-третьих, «Исковерканное горе» представляет собой значительный вклад в работу над дифференциацией и детализацией истории периода, который до сих пор — по крайней мере в России — часто видится широким кругам как оппонентов, так и приверженцев советского проекта однородным, сплошным, как кирпич, — и настолько же непрозрачным для исследователя, будь то включенного или стороннего.

Новая книга Александра Эткинда демонстрирует нам, что эта непрозрачность иллюзорна, — и поставляет вполне убедительный концептуальный инструментарий для дальнейшего изучения соответствующего проблемного поля. ■

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Чечель И.* «Политическое горе»: без ламентаций. Интервью с Александром Эткиндром / ГЕФТЕР. 2013. 15 июля (<http://gefeter.ru/archive/9410>).

² В 2011 году купюра была перевыпущена. На новом изображении кресты уже присутствуют.

³ См. например: *Тимофеева М.Н.* Травма прошлого (сталинского режима) в клиническом материале российских пациентов // Журнал практической психологии и психоанализа. № 4. 2010 / <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2605>

⁴ Этот концепт также восходит к Фрейду. См.: *Freud S.* The «Uncanny» // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 17, 1919: An Infantile Neurosis and Other Works. L.: Hogarth Press, 1956–1974. P. 217–256.

⁵ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М. Согласие, 1997. С. 190.

⁶ *Арендт Х.* Люди в темные времена / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 42.

⁷ Рецензент «Ведомостей» написал даже — применительно ко «Внутренней колонизации», — что Эткинд не создает своих теорий, а только берет лучшее от чужих и вводит простые концепции в массовый оборот. Это неверно и несправедливо, однако симптоматично: российское представление о должном стиле гуманитарных исследований подразумевает, что настоящая наука должна быть непонятной, а то, что понятно, — не наука (<http://www.nlobooks.ru/node/3833>).

⁸ О последней подробнее см.: *Львовский С.* Помимо Запада и Востока: Рецензия на книгу А. Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» // COLTA.RU. 2013. 4 сент. (<http://www.colta.ru/articles/literature/158>).